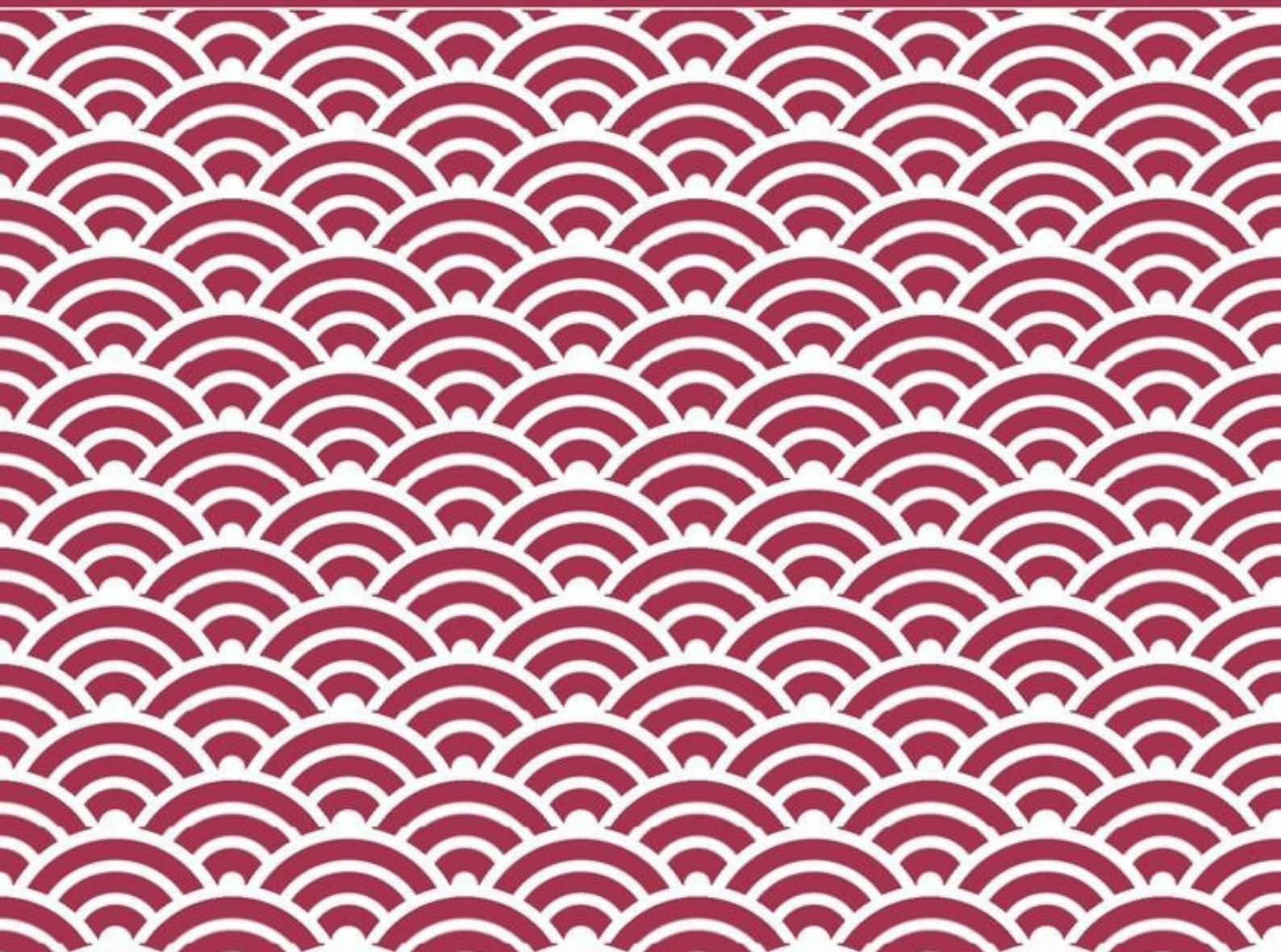

18+

Елена Васюта

Близкие люди

Только для женщин

Елена Васюта

Близкие люди. Только для женщин

«Издательские решения»

Васюта Е.

Близкие люди. Только для женщин / Е. Васюта — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747142-2

Дорогие мои читательницы! Если, прочитав мою книгу, вы сделаете меньше ошибок, я буду считать, что моя задача выполнена. Желаю вам много радости, счастья и большой настоящей любви. Е. Васюта

ISBN 978-5-44-747142-2

© Васюта Е.
© Издательские решения

Содержание

Близкие люди	6
Лишь бы ночь была лунная	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Близкие люди
Только для женщин
Елена Васюта**

© Елена Васюта, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Близкие люди

– Все люди, как люди, а ты у меня пустодырая.– С печальной обреченностью повторяла бабушка Таси. – Как ты жить-то будешь?

Тася до конца не понимала значения этого слова. Она часто думала:

– Пустодырая, это как?

Конечно, она догадывалась, что это плохо, так плохо, что хуже некуда. Вот, например, обзовут тебя «дурой». Но ты возьмешь, и станешь умной – ну, там книг много всяких разных прочитаешь, в школе постарайся учиться хорошо, и никто тебя дурой уже не назовет. А что надо сделать, чтобы не быть пустодырой? У Таси на это ответа не было. И со временем, Тася уверилась, что это неизлечимый диагноз на всю ее жизнь, с которым надо смириться, жить и приспособливаться.

Все свои неудачи Тася объясняла именно этой своей особенностью.

– Ну, что поделаешь? – И сама себе говорила – Пустодырая!

Это было, как какая-то нехорошая, стыдная болезнь, рассказывать о которой никому нельзя.

Жили Тася с бабушкой на окраине большого города, в так называемом частном секторе. Девочка училась в школе, до которой приходилось добираться пешком, а бабушка, находясь на заслуженном отдыхе, вкалывала в своем огороде, чтобы хоть как-то свести концы с концами на своей законно заработанной пенсии.

Идти в школу надо было по узкому тротуару, который вился вдоль дороги, плавно повторяя все ее повороты и изгибы. Дорога была ужасно разбита большегрузами и всякой другой техникой, которая так некстати ездит по нашим российским дорогам и проделывает в них колдобины, размером не меньше грядки с бабушкиного огорода. Ямины, наполненные грязью, присутствовали на всем протяжении дороги, а, значит, и тротуара, и так как отойти в сторону было некуда – вплотную подходили палисадники частных домов, то нетрудно догадаться, в каком виде приходила Тася на уроки.

Примерно на половине пути по извилистому тротуару, к ней присоединялся Садыков Алик. Он ждал ее у ворот своего дома и дальше они шли вместе, стараясь увернуться от грязных брызг, летящих из-под колес машин.

Алик был настоящий рыцарь: своим телом он старался закрыть Тасю от дорожного беспредела, но ему это удавалась плохо, ввиду малого роста и необыкновенной худобы. Тася, девушка высокая, на голову выше Алика, постоянно терпела насмешки одноклассников по поводу своего «грязного рыцаря».

В школе у нее подруг не было. Девчонки с рабочих окраин считали ниже собственного достоинства водиться с «частным сектором». Училась Тася хорошо, ровно. Больше ей нравились точные науки, там не надо было много говорить. Тася не любила болтать, да и не с кем было. Разговоры с бабушкой, в основном, сводились к монологу о том, как нужно жить. Поэтому, Тася решила после школы поступать в технический ВУЗ.

Бабушка была недовольна решением Таси.

– Все люди, как люди, а ты – в инженеры...

Конечно, бабушке хотелось видеть внучку выдающейся актрисой или, на худой случай, певицей. Но несбыточность мечты она объясняла не отсутствием таланта у Таси, а ее пустодыростью.

Алик, узнав про планы одноклассницы, поддержал ее, он всегда был на ее стороне. Сам же готовился служить в армию. Учился он на одни трояки и речи о продолжении учебы у Садыковых не стояло. В татарской семье Алика царила преданность традициям и национальным устоям. Мама Алика строго следила за «чистотой» татарской крови.

– Женишься на татарке. Любую другую, хоть золотую, на порог не пушу! – Чем взрослее становился сын, тем чаще повторяла мать.

Отношения с одноклассницами у Таси не складывались. В домах, расположенных по соседству, девочек ее возраста тоже не было. Все свободное время от прополки огорода, Тася читала книги.

– Ну что с нее взять? – Сокрушалась бабушка, – все девки, как девки, с парнями в кино, а эта у меня... пустодыря!

Иногда Тася, набравшись смелости, спрашивала у бабушки о матери, но каждый раз натывалась на одну и ту же реакцию обиды и злости:

– Не знаю, где она и знать не хочу! Принесла в подоле дите, сунула мне под старость лет, да и укатила незнамо куда с хахалем! Ни ответа от нее, ни привета. Хотя бы интерес о дите проявила, как я тут одна с ее дитем мудохуюсь, нет же! И дела нет! Нет у меня дочери, и ты лучше ее забудь!

Тася послушно старалась не думать о матери, тем более, что забывать- то ей было нечего. Мать бросила ее, когда Тасе не было и шести месяцев. К окончанию школы она почти забыла, что у нее где-то есть мама, родной, близкий человек. Она не думала о матери, не любила ее, не мечтала о встрече с ней.

Так проходили школьные годы – в тишине, в покое, в чтении – зимой, в бесконечной суете в огороде – летом.

Правда, иногда, а именно, в день рождения Таси, бабушка, пыхтя и отдуваясь, появлялась в доме с весьма странными вещами.

На 12 лет кто-то прислал Тасе великолепные роликовые коньки. Долгое время они стояли в углу на столе, над которым у бабушки висели святые образа. Бабушка часто подолгу глядела на иконы и молилась богу, а Тася смотрела на ролики и думала, кто мог прислать ей такой подарок?

На 13 лет бабушка прикатила домой дорожный спортивный велосипед. Никелированная машина заняла пол комнаты, мешая нормальному функционированию помещения, в результате чего была перевезена в чулан, где и пылилась долгие годы, так как кататься на нем Тася так и не научилась.

На 14-летие внучки бабушка пролезла в двери с розово- синим скейтбордом.

Еще через год были горные лыжи с полным обмундированием, совершенно не того размера, который бы пришелся Тасе в пору.

Разглядывая подарки, Тася боялась проявить радость, каждый раз встречаясь с бабушкиным недовольным взглядом, пресекающим все дальнейшие расспросы.

Ни разу у Таси не зародилась мысль, что эти подарки присылает ей мать. Ни поздравительной открытки, ни письма с обновками не было.

Как-то летним вечером, уставшая от борьбы с сорняками, Тася спросила:

– Бабуля, почему ты не хочешь продать дом и переехать в город?

– Вот помру, тогда и продавай, а пока я жива, будем здесь жить! Мы с тобой с огорода-то кормимся, дуреха! На какие шиши я бы тебе ягоды, да помидорки покупала? А у нас все свеженькое, вкусненькое! Вон ты какая выросла красивая, да здоровая.

С этими аргументами трудно было не согласиться. Тася, действительно, обладала настоящей русской красотой. Высокая, статная девушка, с русой косой, смотрела на мир ясными, серыми глазами.

Тася заканчивала школу, когда бабушка слегла.

– Инфаркт. Состояние крайне тяжелое.– Подчеркнув интонацией слово «крайне», печально изрек доктор в больнице.

Тася не верила, что с ее бабулей может что-то случиться, не понимала, что бабуля может ее покинуть навсегда. Но на третий день слова молодого доктора о «крайне тяжелом» состоянии бабушки, подтвердились. Вечером того же дня Тасе сообщили, что ее бабушки больше нет.

Проплакав всю ночь, Тася поняла, что надеяться ей больше не на кого, надо взять себя в руки, заняться похоронами, сдать оставшиеся два экзамена в школе.

В это трудное время всегда был рядом верный Алик Садыков. Приделав на свой старый велосипед багажник, он возил Тасю по многочисленным заведениям, которые необходимо посетить в такие скорбные дни.

После похорон бабушки, денег на жизнь у Таси совсем не осталось.

– Тася, как ты жить-то собираешься? – Спрашивал он подругу.

– Не знаю, Аличка. – Печально отвечала девушка.

Алик давно понял, если Тася назвала его ласковым именем, значит, дела у нее настолько плохи, что хуже быть просто не может.

– Пойдем жить к нам! – С отчаянной решимостью выпалил Алик.

Тася удивленно посмотрела на своего верного товарища:

– Как ты себе это представляешь?

– Как? Как? Поженимся, и будешь жить с моими. Я в армию уйду, а ты в институт поступи, учись.

– А потом что?

– Если захочешь, разведемся. – Тяжело вздохнув, ответил паренек.

– А ты, что? Не захочешь?

– Да ты что?! Я? Никогда! Никогда! Да я бы с тобой... всю жизнь...

Тася смотрела на друга и думала, что, вероятно, он ее любит, а она видела в нем только верного друга, товарища. Как сказать ему это, чтобы не обидеть?

– Алик, милый! Ну, ты что? Что такое ты говоришь? Твоя мама меня на порог дома не пустит, я ведь не татарка. А она мне все время повторяла, что признает только невестку-татарку.

Опустив глаза, Алик продолжал:

– Тася, она смирится, не бойся, тебя обижать никто не будет.

– Не о том я, Алик. Спасибо, конечно, за план по моему спасению, но не нужно таких жертв.

– Каких жертв? – Обреченно воскликнул Алик. – О каких жертвах ты говоришь? Да я бы... Если бы ты только захотела...

Он замолчал.

На несколько минут в комнате, где находились молодые люди, воцарилась тишина.

– Давай, я у мамы займу. – Предложил Алик.

– Нет, что ты! Как я отдавать буду? – Отказалась девушка.

– Можно продать что-нибудь.

– Что?

– Ну, не знаю. Есть у тебя что-то ненужное, что можно продать?

– У меня и нужного-то нет, а ты говоришь, ненужное.

– А ты все-таки глянь на чердаке, в кладовке, может, завалилось, а ты и не помнишь?

– Сам смотри, вон кладовка.

Алик послушно побрел в сени, открыл дверцу и замер, как Али-баба у входа в пещеру с золотом.

– О! А! Ух ты! Вот это да!!! – Юноша с восхищением рассматривал пылившиеся сокровища, – иди сюда!!!

– Что ты там увидел?

– Смотри! Это же! Это же! Моя мечта! Это же велик по горам прыгать! Ты где его взяла? Он же кучу денег стоит!

Удивлению и восторгу паренька не было предела.

Тася пожала плечами:

– Подарили на день рождения. Если он – твоя мечта, забирай, я его тебе дарю.

У Алика от радости даже горло перехватило. В глазах промелькнуло счастье, радость, разочарование.

– Нет, зачем мне? Я ведь в армию скоро уйду. – Произнес он, прокашлявшись. – Слушай, давай его продадим!

Затем он извлек из кладовки другие ценные вещи, пользоваться которыми Тася так и не научилась.

Алик достал телефон, позвонил, продиктовал объявление о продаже, назвав свой номер.

– У тебя же нет сотового? – Объяснил он Тасе свои действия.

– Скоро выйдут газеты с нашими объявлениями. Буду держать тебя в курсе.

И молодые люди расстались, чтобы утром снова встретиться по пути в школу.

Покупатели нашлись быстро, ведь Тася назначила цену намного дешевле, чем в магазине, а вещи все были новые, фирменные.

Таким образом, благодаря смекалке Алика, у Таси на руках оказалась немислимая сумма – около 60 тысяч рублей.

На девятый день Тася напекла пирогов, ватрушек с картошкой. Пришли несколько сосе- док, да давняя знакомая бабушки – тетя Света.

Посидели, повспоминали бабушку, о жизни поговорили. Когда все разошлись, тетя Света, подсев поближе, спросила у Таси:

– Как ты дальше думаешь жить?

– Не знаю, тетя Света. Думала, получу аттестат, буду в институт поступать. А сейчас, не знаю...

– Слушай, я твоей бабушке много раз предлагала продать дом, но она и слушать не хотела. А ты подумай, не спеши. У меня есть однокомнатная квартира, чистенькая, удобная. Хоть завтра заезжай и живи! Еще денежек дам по дружбе, на первое время. Зачем тебе, молодой девушке, этот огород сдался?

Тася плохо знала тетю Свету, а бабушка ее вовсе не любила.

– У Светки денег полно, жадная она очень. И дочка с мужем такие же. Коттедж хотят себе строить. – Говорила бабуля Тасе.

Тася помнила эти разговоры. И она решила:

– Тетя Света, я согласна продать вам свой дом, но только на моих условиях.

– О?!! – Удивленно воскликнула тетя Света, – и что это за условия?

– Я посмотрю вашу квартиру. И, если она мне понравится, вы доплачиваете мне полтора миллиона. Не спешите, тетя Света, подумайте. – Закончила Тася ее же словами.

Тетя Света бесновалась, обсуждая с дочерью предложение Таси:

– Да, хитрая девчонка выросла! Старуха, видать, ее подучила! Я-то думала, задарма дом заберу, а нет же! У! Хитрюга! Полтора миллиона требует! Куда ей такие деньги?

– Ладно, мама! Не злись. Где мы еще такой участок найдем? 20 соток и в городе? Со всеми удобствами! Соглашайся, хватит орать, а то другим продаст, сиротка!

Квартира Тасе понравилась. Квартира угловая. Комната небольшая, 17 кв. метров, кухня 7, маленькая прихожая, туалет и ванная совмещенные, но все новое, беленькое, не то, что в старом бабушкином доме. Правда, первый этаж, но окно комнаты от земли высоко, а кухон- ное окно совсем низко, рукой с улицы можно достать, и выходит прямо на шумную, детскую площадку.

Тася стояла и смотрела через стекло на суетливую малышня. Ей даже нравилось слушать веселый гомон ребят. В доме бабушки тишину нарушали не детские голоса, а проезжавшие грузовики. Тетя Света расценила ее молчание по-своему:

– Ну, да, шумновато немного. Но мы тебе кухонный гарнитур оставим. Смотри, новенький, муха не сидела!

Тася согласилась и переехала в город. Перевозить было нечего. Старые бабушкины шифоньеры и диваны она решила не брать в свою новую жизнь.

Собрав свои вещички, да бабушкины иконы, она въехала в свой новый дом.

Тетя Света отдала ей деньги, Тася написала расписку, а окончательное оформление сделки они произведут через полгода, когда Тася вступит в наследство.

Полученных полутора миллионов, как рассчитывала девушка, ей должно было хватить на годы учебы в институте.

Школьный аттестат не получился красного цвета: подвели результаты двух последних экзаменов. Но, тем не менее, Тася без труда поступила в политехнический институт, расположенный от ее дома за 20 минут езды на метро.

Это лето все перевернуло в жизни Таси: окончание школы, смерть единственного близкого человека, переезд из частного дома в городскую квартиру, поступление в институт.

Тася сама не знала, правильно ли она поступила, продав бабушкин дом, но ей так хотелось изменить свою жизнь!

Она подолгу сидела у окна и смотрела на счастливую детвору. Глядя на них она не чувствовала себя одинокой. Детские голоса за окном создавали иллюзию счастья и благополучия.

С замиранием сердца Тася ждала начала занятий в институте. Наконец, наступил сентябрь.

Выискивая свою группу на доске с объявлениями, Тася познакомилась с бойкой девушкой.

– Тоже ищешь группу?

– Вот она. Аудитория...

Они вместе пошли искать указанный номер на двери.

– Я – Таисия, Тася. А тебя как зовут?

– Валя.– Ответила девушка, глядя на нее честными, голубыми глазами.

Так в жизни Таси появилась подруга, первая и единственная. Они были совсем разными, даже внешне: Тася – высокая, Валя – маленького роста, у Таси – русая коса ниже пояса, а у Вали – выбеленные перекисью короткие волосы. Тася говорит тихо, спокойно, а Валя – громкоголосая хохотушка. Эта дружба еще раз подтвердила правильность закона притяжения противоположенностей.

Тася полюбила ее всем сердцем и бесконечно дорожила ее дружбой.

Первый год прошел спокойно, если можно назвать спокойной жизнь студентов – первокурсников. Ребята перезнакомились друг с другом. Тася выделила среди парней одного молодого человека. Его звали Женя Осипов. Это был высокий, симпатичный шатен, знающий себе цену и смотрящий на девчонок свысока.

Тася тайно вздыхала по нему весь первый курс, но намекнуть на свои чувства не осмеливалась.

Пошел второй год учебы. Стояла противная осенняя погода. На перемене между парами, к Тасе вдруг подошел Женя Осипов и предложил ей провести вечер вместе.

Ошеломленная неожиданным счастьем, девушка ответила:

– Где проведем?

– Сходим куда-нибудь...

– Так погода- то?.. Дождь и все такое...

А сама лихорадочно перебирала в уме свой немудреный гардероб. Для такой холодной и дождливой погоды у нее решительно нечего было надеть.

– Ну, как хочешь. Нет, так нет. – Произнес красавец Женя Осипов.

– Почему же нет?! – Поспешила добавить Тася, – давай у меня посидим, чаю попьем.

– Чай, кофе, потанцуем... – Заинтересовался Евгений.

В его глазах снова вспыхнул огонек интереса.

– А мама с папой с нами будут чай пить?

– Женя, что такое ты говоришь? Я одна живу. У меня совсем никого нет.

– Одна?!? – Радостно воскликнул он, но быстро сменив выражение лица на сострада-
тельное, добавил, – бедняжка ты моя.

У Таси от счастья кружилась голова. Сам Женя Осипов придет к ней в гости! Придет в ее дом! Еле досидев до конца лекций, она умчалась домой, через магазин, помня, что путь к сердцу мужчины не минует желудка.

Приготовив легкий, но вкусный ужин, Тася занялась своей внешностью. В зеркале отражалась хорошенькая, стройная девушка, с сияющими от счастья глазами. Легкий румянец волнения красил и без того милое личико. Русые волосы, обычно заплетенные в косу, свободно струились по спине, спускаясь ниже талии. Серые глаза девушки оценивающе бегали по своему отражению, решая в сотый раз, хороша ли она, когда в дверь, наконец, позвонили.

Евгений по- хозяйски осмотрел комнату, куда был приглашен хозяйкой.

– Ничего, миленько у тебя.

По интонации можно было понять, что Тася живет бедно, серо, неинтересно.

В квартире, действительно, не было ничего лишнего. Вернее, было лишь самое необходимое. Мебель – подешевле, телевизор – далеко не последней модели, компьютер – попроще. Но даже и такая обстановка казалась Тасе почти роскошью.

Слегка обидевшись, она пригласила гостя на кухню, ужинать.

– На кухню? – Скривился он, – наш романтический ужин будет проходить на кухне?
У плиты?

Тася оглядела комнату. Из столов здесь был только компьютерный, да и тот завален книгами и тетрадями.

– Больше, Женя, есть негде.

– Ну, так давай не будем есть. Что время терять?

И он обнял ее и притянул к груди. Сердце у Таси готово было выпрыгнуть, оно трепыхалось, как птичка, попавшая в силки. Но когда он стал целовать ее, свет в очах померк, ноги сами стали перемещаться в сторону дивана, а разум отделился от ее организма в совершенно постороннюю субстанцию.

На ночь Евгений не остался, отговорившись, что любит спать дома, в своей кровати, да и мама его ждет...

С этого дня Женя стал частым гостем в доме Таси.

Она его любила.

Он о любви не говорил.

Она надеялась, что когда-нибудь, позже, он сделает ей предложение.

Всеми переживаниями Тася делилась с подругой. Та ее успокаивала, как могла.

Вскоре у Вали тоже появился ухажер.

– Тася, что мне делать? Я его так люблю, так люблю! Не по подъездам же нам тискаться?
А домой я его не могу привести.

Тася сама предложила подруге для встреч с любимым свою квартиру.

– А ты где будешь в это время?

– Не знаю. Посижу на улице, у меня под окнами чудесная детская площадка.

– Нет! Нет! Не надо. Давай, мы тебе билет в кино купим? А?

– Ладно. В кино, так в кино.

С тех пор повелось, что Валя в институте вручала ей билет в кинотеатр, как правило, не в ближайший к дому, на вечерний сеанс. А к ее возвращению дом был пуст и все прибрано.

Когда начались занятия на третьем курсе, из армии вернулся Алик Садыков. Он ждал Тасю на ступеньках института с букетом цветов. Тася летела домой на крыльях любви. Сегодня у них свидание с Женей! Она ничего не замечала вокруг. Если бы Алик не окликнул ее, она пробежала бы мимо.

– Алик? Ты уже вернулся? – растерялась девушка, – как дела?

За время службы Алик возмужал, его худосочность превратилась в стройность. Про таких говорят: жилистый мужик. Теперь они с Тасей были одного роста.

По ее виду Алик понял, что ей совершенно безразлично, что он ей ответит.

– Это тебе. – Он протянул ей букет. – Вот, зашел на тебя посмотреть. Нормально все?

– Да! Все замечательно! Знаешь, учеба все время отнимает. Ну, вообще все! Вот бегу домой, столько задали! А ты чем думаешь заниматься?

– Пойду к отцу, на завод. Буду на станке работать.

– Здорово. Молодец. Ну, прости, Алик, я очень спешу.

И они расстались на помпезной лестнице Тасиногo института. Где-то глубоко внутри, в потаенных уголках души, Тася чувствовала угрызения совести. Как-то плохо она поступает с Аликом. Все-таки друг, верный друг. Но этот душевный дискомфорт был таким слабым на фоне новой, счастливой Тасиной жизни, что скоро забылся и совсем перестал беспокоить девушку.

Наконец, подруги перешли на пятый, последний курс обучения. Тася училась хорошо, мечтая о хорошей работе и, конечно, о замужестве. Как-то вечером у своего подъезда она увидела Алика.

– Привет! – Воскликнула она. – Ты меня ждешь? Пойдем, я покажу тебе, как я живу.

Но разговора у них не получилось. Первое, что увидел Алик, войдя в комнату, была большая фотография Жени в золоченой рамке – подарок Тасе от любимого на день ее рождения. Мрачно глядя на улыбающегося красавца, Алик спросил:

– Любишь его?

– Да. Очень.

– А что замуж не идешь?

Не могла Тася сказать, что он не зовет, не предлагает, не хочет даже говорить на эту тему. Стыдно. И она начала выкручиваться, излагая, как ей казалось, правдоподобную версию:

– Ну, понимаешь, учеба, и все такое... Некогда как-то. Но потом, позже, конечно! Мы так любим друг друга! Обязательно поженимся. Вот институт окончим, и поженимся. Может, еще на работу устроимся... и поженимся.

Но, похоже, Алик не слышал ее слов, а думал о чем-то своем.

– Тася, я женюсь.

– Здорово! А на ком?

– Мама нашла невесту. Мне все равно.

– Как так, Алик? А если ты ее не полюбишь?

– Говорю же – мне все равно.

Он тяжело вздохнул, пристально посмотрел Тасе в глаза и, не сказав больше ни слова, ушел, захлопнув дверь. Тася смотрела на эту дверь и ощущала огромную потерю чего-то хорошего, доброго, что всегда было рядом с ней в ее жизни. Первым порывом было догнать его, вернуть. Она даже схватилась за дверную ручку, но потом вернулась в реальность: через час придет Женя, а она еще ужин не приготовила. Пожелав мысленно своему другу всего самого наилучшего, жениться на татарочке, которую подобрала ему мать, полюбить ее и быть счастливым, Тася окунулась в домашние дела.

Через несколько дней, сидя на лекции, Валя протянула Тасе очередной билет на киносеанс.

– Валюша, я сегодня не могу. У нас с Женей свидание.

– Как это свидание? А он что, не сказал тебе, что сегодня он не может?

– Нет, ничего не говорил. А ты откуда это знаешь?

Валя быстро нашлась с ответом:

– Он сам мне сказал, что у него сегодня дела какие-то. Да сама его спроси!

На перемене Женя подтвердил слова Валентины:

– Да, я не смогу, прости, совсем забыл тебе сказать.

Тася, конечно, простила, взяла билет и вечером пошла в кинотеатр.

Но, как назло, там что-то не заладилось: то ли электричество кончилось, то ли кинщик заболел, но киносеанс отменили. Не попав в кино, Тася не спеша, пешком добралась до своего дома. Еще надо подождать минут сорок. Она села на скамейку, с которой было прекрасно видно всех входящих – выходящих из ее подъезда.

Минут через 30 подъездная дверь отворилась и из нее в обнимку вышли любовники – Валя и ... Женя Осипов.

Тася смотрела на прощающуюся парочку и не верила своим глазам. Просидев на улице до ночи, замерзнув, она поплелась домой.

Оглядела свою квартиру. Как она любила ее, а сейчас ее уютный дом был словно оплеван, вымазан чем-то гадким. Тася налила в ведро воды и начала мыть пол. Простое действие спасло ее от глупых слез и истерик, помогая понять, что она сегодня лишилась своей единственной подруги и своего любимого. Обоих сразу. Они ее предали подло, жестоко. Они смеялись над ней, встречаясь в ее квартире! Она сама предложила им это, дала ключи от своего дома. Как такое могло случиться с ней?

Ответом на ее вопрос были слова бабушки:

– Все люди, как люди, а ты у меня пустодырая! Что с тебя взять?

– Вот поэтому все и случилось, – размышляла Тася, – потому, что я такая.

На следующее утро, пережив жуткую ночь, с опухшими глазами, бледная, Тася пришла на занятия.

– Верни ключи, – бесцветным голосом обратилась она к подруге, – я вас видела. Сеанс отменили.

Валентина обмерла:

– Тася, дорогая, прости, прости меня! Я сама не пойму, как это все получилось! Это Женя предложил, а я не смогла отказать! Прости! Может, не сейчас, когда-нибудь потом...

На лице Таси не отразилось никаких эмоций. Все эмоции закончились ночью, когда Тася драила пол в своей маленькой, но такой любимой квартире. Она рассталась с Женей. Она рассталась с Валею. Кого ей было тяжелее терять? Чье предательство ранило больше? Наверное, подруги.

Тася снова осталась одна.

Она снова подолгу сидела у кухонного окна, наблюдая за соседской ребятней. Многих она уже знала по именам. Особенно один мальчик, лет четырех, привлекал ее внимание. Он был маленьким, худеньким и весь какой-то не в тему. Звали его Славик. Когда все неслись налево, Славик поворачивал направо. Когда все уже скатились с горки и неслись дальше, Славик только добежал до лесенки. Он был такой трогательно неуклюжий, что Тася всегда следила за ним, боясь, что Славика кто-то может обидеть.

Возвращаясь вечером домой, она решила посидеть на скамейке, посмотреть на играющих малышей. Погода радовала горожан последними теплыми деньками. Хотелось полюбоваться осенним великолепием природы.

Славик бегал с ребятами, вернее, он их пытался догнать, но это у него никак не получалось. Устав, он сел к Тасе на скамейку.

– Здравствуй, Славик. Тебя ведь Славик зовут? – решила познакомиться с ним Тася.

– Славик. А ты откуда знаешь?

– Я живу здесь рядом и часто вижу, как ты гуляешь. А почему ты всегда один? Где твои родители?

– Мамы нет, я живу с папой.

– Ой, извини! Она, что, умерла? – Охнула Тася.

– Почему сразу умерла? Просто уехала. Безответственно бросила нас с папой. – Повторяя взрослые слова, объяснял Славик.

– А папа, почему с тобой не гуляет?

– Он все время занят, ему некогда.

Тася не стала допытываться, чем таким занят его отец, что даже не может погулять с собственным сыном?

– Понятно, извини, что спросила.

– Папа мне не разрешает разговаривать с чужими, ты не говори ему, что я тебе сказал.

– Договорились, Славик. Это будет наш с тобой секрет.

Мальчонка вскочил со скамейки и бросился догонять вопящих друзей. А Тася пошла домой.

Подшло время сессии. Приходилось много заниматься, это отвлекало от печальных мыслей. Но ночами Тася не могла себя заставить не думать о будущем. Помощи ей ждать не от кого. С изменой Жени рухнули надежды на создание семьи. Надо искать работу. Для чего? Работать, чтобы жить? Или жить, для того, чтобы работать? Такими вопросами она мучила себя почти каждую ночь.

Вот уже и сессия пролетела, закончилась зима. Детская площадка под окном оттаяла, обнажив детские металлоконструкции, желтый песок и всевозможный мусор, скопившийся за зиму. Дети дружно высыпали во двор, мешая дворнику прибирать это безобразие. Вышел и Славик. Казалось, за прошедшие месяцы, он нисколько не подрос.

– Да что же это такое?! – Возмущалась Тася. – Его что, папаша совсем не кормит?

Как-то, возвращаясь из института, сокращая путь до подъезда наискосок, по детской площадке, Тася увидела, что Славик горько плачет.

– Что такое, что случилось, Славик? – Подбежала к нему взволнованная девушка.

Малыш размазывал по лицу слезы. Его горе было огромно. Наконец, он повернулся и, не переставая всхлипывать, показал Тасе порванные сзади штаны. Тася села на лавку. Поворачивая мальчика, она пыталась оценить размеры бедствия. Штанина была порвана от попы до самого низа. Дыра получилась шикарная.

– Ух, ты! Как же тебя так угораздило? – Спросила она несчастного.

– С горки съехал неудачно. – Объяснил Славик.

– Да, уж. Неудачно. Но ты не плач, мы сейчас пойдем ко мне, я тут рядом живу. И я тебе зашью штаны, у меня машинка есть...

Не успела она закончить мысль, как на нее налетел взбешенный мужчина с воплем:

– Что вам надо от моего сына?!? Славик, отойди от этой тетки! Вы что к ребенку пристаєте?!?

Славик пытался объяснить отцу, что это те тетка, а хорошая тетя, но по-детски сформулировав фразу, только усугубил ситуацию.

– Папа, тетя меня к себе домой звала. Она меня пожалела и сказала, что у нее есть машинка!

– Что?!? Домой звала?!? Извращенка! Я сейчас милицию вызову, педофилка несчастная! Чтобы я тебя больше никогда рядом с ребенком не видел!

И он увел хныкающего Славика в соседний подъезд.

Тася сидела и пыталась осмыслить, что это сейчас было? Незаслуженное оскорбление вызвало слезы. Зазвонил сотовый, испугав ушедшую в свои мысли девушку.

– Тася, привет! – Услышала она такой родной голос.

– Алик, здравствуй! Как хорошо, что ты позвонил.

– Как дела? Давно с тобой не разговаривали.

– Все хорошо, Аличка, все хорошо.

Алик понял, что дела у подруги очень плохи, раз она называет его ласковым именем.

– Я сейчас приеду! Через 30 минут буду! Ставь чайник, пирожное куплю.– И он нажал отбой, не дав Тасе ответить.

– Ну, вот, – думала она, – проведу вечер с Аликом, больше не с кем.

На душе было погано, в жизни- все наперекосяк, с работой – хреново, материальное положение – не обременительно.

– Где портрет? – Спросил Алик, кивком головы показывая на место, где в прошлый раз красовалось фото жениха.

– Был, да сплыл.

– Что так? Ты говорила, у вас все на мази.

– У него не только со мной все было на мази. С другими тоже.

– Это хорошо.– Задумчиво произнес друг.

– Что хорошо?!? Ты что такое говоришь?

– Прости, Тася, я не то имел в виду. Хорошо, что ты об этом узнала сейчас, до свадьбы, а не после.

– Да какая свадьба? Он мне никогда ничего такого не говорил... А у тебя-то как? Когда женишься?

– А у меня тоже не будет свадьбы.

– Почему?

– Не понравилась мне невеста, что мать нашла.

– Почему?

– Ну, знаешь, она девушка хорошая, но не в моем вкусе.

– Страшная она что ли?

– Нет, нормальная. Маленькая такая, черненькая. Татарка татаркой!

Тася рассмеялась.

– Алик, ты меня прости, но ты сам-то кто?

– Ну да. Ну да. Но я не таких люблю.

– А каких ты любишь?

– Таких, как ты.– Тихо добавил друг.

Больше к вопросу о любви они не возвращались. Пили чай с пироженым, что принес Алик, хохотали, вспоминая детство, их дорогу в школу. На душе стало легко и как-то светло.

– Как хорошо, что ты пришел, – Сказала Тася, – спасибо тебе.

– Нет проблем, обращайся! – махал ей рукой на прощание Алик, убегая в темноту ночи, наполненную весенними ароматами прелых, еще не убранных с осени листьев.

Началась работа над дипломным проектом. Часто приходилось засиживаться по вечерам. Как-то, устав от учебы, Тася пошла на кухню попить чаю. Глянув в окно, она заметила на скамейке маленький силуэт ребенка. Она сразу поняла, кто это. Выбежала во двор, подбежала к ребенку:

– Славик, Славик! Ты почему так поздно гуляешь? Славик! Что случилось? – спрашивала Тася у плачущего мальчика.

– Я из дома ушел без спроса, а ключи не взял, дверь захлопнул, – хныкал Славик.

– А папа твой где?

– Папа сказал, чтобы я спать ложился, он поздно придет... – Славик снова расплакался.

– Ну, не плачь, мы что-нибудь придумаем. – Пытаясь успокоить ребенка, сказала Тася.

Выход был один – забрать Славика к себе на ночь. Неизвестно, когда его папаша нагуляется! Завтра суббота, нерабочий день. Но Тася помнила, как он налетел на нее в прошлый раз, незаслуженно обозвав по-всякому, ни в чем не разобравшись. Она боялась новых стычек с ним. Но и оставить ребенка на улице в такой поздний час она тоже не могла.

– Пойдем, Славик! – Решительно заявила Тася. Мальчик покорно встал и пошел за ней.

– Куда? – проявляя благоразумность, поинтересовался он.

– Куда? Ко мне, конечно! Где-то ты должен спать!

Она привела Славика домой. Сделала ему теплый душ, покормила. Славик засыпал на ходу.

– Славик, в какой квартире вы живете с папой?

Тася решила написать записку, что Славик спит у нее, и прикрепить ее на дверь загулявшему отцу.

– Ложись на диван, мой хороший.

Мальчик сразу же заснул, обняв старенького плюшевого мишку.

Где-то под утро Тася вскочила от жуткого грохота в подъезде. Казалось, кто-то пытается вышибить дверь ее квартиры. Вернее, не кто-то, а один, вполне определенный тип. Тася приготовилась к отпору. Она распахнула дверь. Перед ней, пошатываясь, стоял долговязый отец Славика. Глядя на Тасю осоловелым взглядом, он произнес:

– А, это опять вы! Что вам еще надо? Что вы все к нам лепитесь? И, вообще, где мой сын? Славик! – Позвал он на всю мощность легких.

– Да не орите, вы! – Вступилась Тася в беседу. – Разбудите ребенка! Вы лучше мне объясните, почему Славик оказался на улице ночью?!?

– Чего? Какой ночью? Что вы, ей богу, такое порете, ой, то есть... Так вы его выкрали из квартиры?!? Вы – воровка и вообще, что вы в нашу жизнь лезете? Где мой ребенок?

Отодвинув Тасю, он ворвался в комнату, увидел сладко спящего сына и немного успокоился. Сграбастав ребенка вместе с одеялом и мишкой, возмущенный отец покинул квартиру. Тася не расстроилась. Примерно так она и представляла себе разговор с соседом. Укрывшись пледом, она думала о Славике.

– Если его подстричь, переодеть, да откормить немного, он станет даже очень ничего... – В полусонный мозг девушки успела вползти мысль об отце ребенка.

В субботу хотелось выспаться, но детские вопли за окном лишили ее такой возможности. Юные жители микрорайона в 9.00 уже полным составом гоняли мяч по своей законной территории. Славик был в их числе.

Вскоре в дверь постучали. На пороге стоял отец Славика, явно не в лучшем своем виде.

– Здравствуйте. Возьмите вот, это ваше. – Он протянул Тасе одеяло и медвежонка.

– Доброе утро, заходите.

– Зачем я к вам должен заходить? Не хочу я к вам заходить. – Отнекивался мужчина.

– Вы меня боитесь, что ли?

– Ничего я не боюсь, то есть вас. Просто, зачем мне к вам заходить?

– Я с вами поговорить хочу.

– О чем?

– О Славике. Вернее, о вашем к нему отношении.

– Нормальное у меня отношение, хорошее отношение.

– Так вы считаете нормальным, если отец где-то гуляет до утра, а ребенок в это время сидит на улице и плачет?!?

– Знаете что, не лезьте в нашу жизнь! Понятно? Что вы тут меня воспитываете, как школьника? Я же к вам не лезу!

И сунув одеяло в руки Тасе, он ушел зло хлопнув подъездной дверью.

Примерно так Тася и представляла себе их разговор, поэтому не сильно расстроилась. Она спокойно занялась своими делами. А дел было много – скоро защита дипломного проекта!

Пролетела еще одна неделя. Вечером в пятницу, раздался звонок в дверь. Тася удивилась, к ней давно уже никто вот так просто, без звонка, не приходил. Посмотрев в глазок, Тася обмерла: перед дверью стоял отец Славика!

– Что ему надо? Зачем он пришел? Славика я не видела давно... – Растерянно подбирала варианты девушка.

Она открыла дверь, с тревогой глядя на гостя.

– Здравствуйте! – Вежливо начал отец мальчика.

– Здравствуйте. – Ответила Тася, ожидая всплеска новых негодований.

– Вы разрешите мне пройти? Можно я войду? – Явно волнуясь, спросил мужчина.

– Проходите, чего уж там.

– Спасибо. Извините.

– За что?

– За что спасибо?

– Нет, за что вы извиняетесь?

– Ну, я думаю, мне есть за что просить прощение. А вы так не думаете?

Беседуя, молодые люди прошли в комнату, Тася села на диван, жестом приглашая сесть и гостя. Он сел, его длинные ноги торчали коленками вверх. Поза была неудобной, и через мгновение он уже встал и, размахивая руками, словно сурдопереводчик, пытался объяснить причину своего визита.

– Я подумал, вы столько сделали для нас, для Славика, а я даже не знаю, как вас зовут. Давайте, познакомимся?

– Давайте. Меня зовут Таисия, можно просто Тася, мне так привычнее.

– Очень приятно, Тася! Очень! А я Эдуард. Можно Эдик.

Он схватил Тасину руку и начал энергично ее трясти, как бы показывая, насколько ему приятно знакомство.

Тася решительно высвободила свою ладонь и спросила:

– Эдуард, вы зачем пришли? Вы хотели поговорить со мной? О Славике?

– Откуда вам это известно? – Восхищаясь ее проницательностью, выдохнул Эдик. – Кто вам сказал?

– Да никто мне ничего не говорил! Просто, других общих разговоров у нас с вами не может быть.

– Это почему же не может? Очень даже может! У нас с вами, если вам это интересно, очень даже много всяких...

Тасе стало весело наблюдать за неловкостью человека, которого она еще недавно так боялась.

– Интересно! – Решив окончательно утопить непрощенного гостя, продолжала Тася. – Так какие у нас с вами общие разговоры?

– Ну-у-у, о погоде, например!

– Не актуально.

– О моде...

– Не интересно.

– О детях...

– О детях? Вы со мной хотите говорить о детях? Я же извращенка и педофилка!

– Какой дурак вам это сказал? – Смущаясь, промямлил Эдик.

- Да есть тут один, ребенка по ночам одного оставляет, а других обзывает всяко.
- Ну, не сердитесь, Тася, извините меня. Знаете, я в последнее время весь на нервах.
- А что такое случилось с вашими нервами?
- Заучился совсем. Кандидатскую готовлю. Защита в скоро, времени совсем нет.

За сыном плохо смотрю, согласен. Я ведь один его воспитываю.

- Да, Славик мне говорил, что вы все время заняты. Наверное, это тяжело.
- Тася, посидите, пожалуйста, со Славиком в пятницу. А еще лучше, заберите его к себе ночевать.

К такому повороту событий Тася была не готова.

- Как так, Эдуард? Вы меня совсем не знаете!
- Как это, не знаю? Славик уже спал у вас один раз.
- Не могла же я оставить ребенка на улице!
- Вот, видите, вы добрый, отзывчивый человек.
- А что у вас за дело в пятницу?
- Защита у меня, Тася. Я же вам говорил.

Конечно, Тася с радостью согласилась посидеть с ребенком. Вернее, поспать с ним. Эдуард оставит сына у нее до утра.

С замиранием сердца Тася ждала пятницы. Ей так хотелось пообщаться со Славиком. Она продумывала, что приготовить на ужин, ведь детям не полезна взрослая еда. Она выдраила всю квартиру, перетрясла все коврики и половички. Купила продукты, которые, как она считала, должны есть дети. Наконец, в пятницу, она забрала Славика из садика. Ей повезло: пошел дождь. Гуляние пришлось отменить и забрать ребенка домой. Непонятно, кто получил больше удовольствия от ползания по ковру, беганию по квартире, прыганию на кровати. Когда дело дошло до ужина, они оба с аппетитом съели и пюре с котлетами, и шарлотку с яблоками, и чай с зефиром в шоколаде. Довольные проведенным вечером, они расположились спать. Тася, как примерная няня, хотела почитать Славика книжку, но глаза у нее слипались, язык еле ворочался, книга падала с колен на пол. Устав бороться со сном, Тася прикорнула рядом с ребенком и тот час заснула.

Ей снился хороший, какой-то счастливый сон. Будто Новый год. Ощущение радости, таинственности и огромного – огромного счастья. А вот и Дед Мороз! Он стучит в дверь! Его удары посохом сильны настолько, что входная дверь сотрясается и грохочет на весь подъезд. Сейчас, сейчас она распахнется, а там...

– Пойдите, какой Дед Мороз?!? – Тася медленно выпутывалась из своего глубокого, крепкого сна. – Какой, к лешему, Дед Мороз? На дворе – июнь!

Но удары в дверь продолжались. Тася, накинув халат, побежала в прихожую. В глазок был виден затылок Эдуарда, а каблуки его парадных туфель поочередно выбивали азбуку Морзе по Тасиной двери. Боясь, что он испугает ребенка, она поторопилась открыть дверь. Потерявший равновесие мужчина стал заваливаться в квартиру, грозя раздавить Тасю и тумбочку, стоявшую в прихожей. Но удачно ухватившись остатками разума за косяк, он смог устоять на ногах, чем вызвал в своем опьяневшем сознании огромную гордость за содеянное:

– Ух, ты! Ага! Гляди, не упал, вишь... это, я, значит, ну, короче... комбинат, а, нет, этот, – кандидат! Наук! Это тебе ни жук в пудру пукнул! – Закончив себя прославлять, он сфокусировался на Тасе. – Где Славик? – Удивленно спросил Эдуард.

– Спит Славик. – Тася кивнула в сторону комнаты. – Если вы его не разбудили.

– Я должен увидеть сына, – отодвинув хозяйку в сторону, кандидат наук маятниковым ходом пробрался в комнату, где на диване сладко спал мальчик.

– Славик, это я, твой папа. – Эдуард пытался наклониться, чтобы поцеловать ребенка, но это у него не получилось.

Вместо поцелуя большое, пьяное тело начало заваливаться на бок, и заваливалось до тех пор, пока не улеглось рядом со спящим Славиком. Взирая на этот беспредел, Тася понимала, что никакие увещательные слова здесь не помогут. Эдуард уже спит, будить его нет смысла. Но что делать ей? В ее доме единственное спальное место – диван, на котором спит Славик, а теперь еще, этот кандидат наук. А ей-то куда лечь? До утра еще далеко, спать хочется. Тася осторожно перелезла через ребенка, пододвинула его и легла, между Славиком и стенкой, стараясь занять как можно меньше места.

Утро наступило одновременно с воплями Славика:

– Тася! Вставай! Я есть хочу!

– Тася, дай попить, – постанывал новоиспеченный кандидат.

Ей ничего не оставалось делать, как перелезть через Эдуарда и пойти на кухню.

– Манную кашу будешь? – Спросила Тася у Славика.

Тот начал кривить губки.

– С конфеткой. – Быстро добавила она.

– С конфеткой, буду, только отдельно. Конфетку – сейчас, а кашу – потом.

Тася засмеялась. Вот ведь ребенок, все соображает! Пока она кормила мальчика, проснулся Эдуард. Весь его вид выражал удивление по поводу своего местонахождения, а именно у Таси в постели. Смущаясь, извиняясь, он забрал сына и ушел домой.

После коллективной ночевки пришлось снова прибираться в квартире, потом Тася прилегла ненадолго и поспала до самого вечера.

– Завтра с утра буду заниматься, диплом доделывать, – дала она себе слово.

Было поздно, но спать не хотелось. Ночной гость сбил ей весь привычный режим ночи, а потом и дня. Пока она машинально щелкала пультом, стараясь зацепиться за что-то интересное по телевизору, в дверь позвонили.

– Кого опять нелегкая принесла? – Удивилась Тася, открывая дверь.

Нелегкая принесла Эдуарда.

– Опять надо со Славиком посидеть? – Вместо приветствия воскликнула она.

– Нет, нет! Со Славиком – не надо. Вернее, надо, но не со Славиком.

– А с кем?

– Тася, посидите, пожалуйста, со мной. – Он показал бутылку вина, которую прятал за спиной.

– Ничего не понимаю! – Растерялась Тася, – а Славик где?

– Он спит, с ним все в порядке. А вот со мной, Тася...

– Да проходите, проходите! Что с вами случилось, Эдуард?

– Эдик. У меня, Тася, все так хреново! Так все плохо!

В процессе завязавшейся душевной беседы, они прошли на кухню, расположились за столом, в двух бокалах уже было налито вино, на тарелке появился легкий закусок.

– Эдик, ничего, что мы с вами на кухне? – Вспомнив реакцию своего бывшего друга, поинтересовалась хозяйка.

– Очень даже ничего. Даже совсем замечательно! Обожаю сидеть на кухне. – Успокоил ее Эдик.

Они выпили за знакомство, вскоре перешли на ты.

– Понимаешь, Тася, все в жизни у меня как-то криво-косо, – откровенничал захмелевший гость, – ничего я не могу, ничего не получается!

– Эдик, ну, что такое ты говоришь? Почему не получается?

– Почему, почему? Жена меня бросила, уехала. Сказала, что устала от такой жизни и уехала.

– Куда?

– Куда-то к морю. Не знаю. Она всегда говорила мне, что я тюхтя, рохля, размазня, короче. Конечно, она права, я – тюхтя. – Эдуард, не протрезвевший после вчерашнего, добавив еще пару бокалов, был близок к моральному самоуничтожению. На глазах у него появились скупые мужские слезы.

Тася, по натуре добрый и отзывчивый человек, не в силах была смотреть на мучения Эдика.

– Ты не тюхтя! Не тюхтя! Что за глупость? Не смей даже думать так! Всем бы таким тюхтям быть! Смотри, ты защитился, кандидат наук! – Начала она психотерапию. – У тебя прекрасный сын!

– Славик?

– Ну, других я не знаю... Славик, да.

– Жена меня бросила. – Напомнил Эдик.

– А ты не так на это смотри.

– А как можно смотреть на то, что жена бросила?

– Это не ты – тюхтя, а твоя жена – плохая, безответственная женщина! Уехала, оставив мужа и маленького ребенка! А ты – молодец! Один справляешься со всеми трудностями! Один, без всякой помощи воспитываешь сына! Да еще защитился!

– Ты так думаешь?

– Конечно, как еще можно думать? А жена твоя – дура, что такого мужика бросила!

– Она всегда говорила мне, что я не могу денег заработать, что у нас квартира плохая, что она себе не может ничего купить. Поэтому я рохля.

– Знаешь, у каждого свои недостатки. Никуда от этого не денешься. Одному одно дано, другому другое. Вот я, например, пустодырая. Так бабушка говорила.

– Кто, кто ты?

– Пустодырая.

– Это как? – Не понял Эдик.

– Если честно, сама не понимаю. Но вся моя неудачная жизнь подтверждает это. Все близкие люди, которых я люблю, любила..., меня используют в своих целях, а потом предают.

– Что, все прямо?

– Ага. Отца я не знаю, видать, отказался от нас, когда узнал, что скоро папой станет. Мама меня родила и бросила. Я с бабушкой жила, пока она была жива. Жених встречался с моей лучшей подругой. Сейчас у меня нет ни женихов, ни подруг.

– Что, вообще никого у тебя нет?

Тася задумалась.

– Есть один старый, верный друг, Алик, вернее, Альфред, он татарин.

– Какая разница, татарин, еврей, лишь бы любил.

– Да, он любит меня, но его мама ни за что не позволит ему жениться на русской.

– О, как все запущено!.. Не расстраивайся. Тася, ты – замечательная! И красивая. Спасибо тебе за все, за помощь, за Славика, и вообще... Ты не думай, все у тебя наладится. И не какая ты не пустодырая! Фу, слово-то, какое противное! Даже забудь! У тебя все впереди!

Пошатываясь, сосед стал распрямляться на всю высоту своего длинного тела.

– Пора мне, Тася, пойду. Славик там один. Можно я еще как-нибудь к тебе зайду?

– Заходи, я буду очень рада.

– Правда? Очень?

– Да, очень. Приходи.

Повеселевший мужчина растворился в темноте ночи, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Тася еще долго смотрела в окно, то на звездное небо, то на шевелящихся ветвями деревья. На душе было хорошо, легко, словно она избавилась от тяжелой ноши, от камня, давящего душу. Встреча с Эдиком позволила ей взглянуть на соседа по-новому. Теперь она видела в нем

прежде всего человека. Причем, человека не совсем счастливого, не уверенного в себе. Ей дико захотелось повысить его самооценку, окружить его и Славику элементарным теплом и вниманием. Мечты понеслись вдаль..., но Тася приземлила свою фантазию, боясь даже думать о будущем.

Через неделю он снова пришел. Они сидели на диване, разговаривали, потом стали целоваться. Эдик хотел продолжения банкета, но Тася собрала вместе все остатки здравомыслия и выпроводила соседа домой.

Близилась дата защиты дипломного проекта.

– Вот защищу диплом, напеку блинов с мясом, и приду попозже к нему в гости, как он тогда, – планировала Тася.

Однажды вечером раздался звонок в дверь. Сердце замерло от надежды:

– Кто там?

– Мне нужна Таисия. – Раздался незнакомый женский голос.

Тася открыла дверь. Перед ней стояла симпатичная женщина средних лет.

– Я Таисия. Что Вам от меня нужно?

– Что ты, милая, что ты! Мне от тебя ничего не надо. Нет, надо, конечно, но я не знаю, как тебе это объяснить.

Тася пригласила странную гостью в комнату.

– Тася, я хочу тебе многое рассказать, чтобы ты меня поняла и простила, если возможно.

– Разве мы с вами знакомы? – Удивилась девушка.

– К сожалению, нет. Но, понимаешь, я – твоя мама.

– Вы? Моя? Кто – кто?!?

– Тася, я понимаю, ты обижена на меня, но пойми, у меня не было другого выхода! Выслушай!

– Хорошо, говорите. Я вас выслушаю.

– В юности я сделала две огромных ошибки. Первая – влюбилась. Глупой была, молодой, верила всему, а он меня бросил. Как потом выяснилось, я была беременная. Моя мама, твоя бабушка, меня поедом ела. Она не то, что мне жить не давала, она мне дышать не давала! Ты ведь ее знаешь! Я смогла вытерпеть полгода, а потом встретила другого человека. Он наобещал мне золотые горы. Пойми, не могла я остаться с вами, умерла бы! И я сбежала с ним. Золотых гор не было, порой кушать было нечего, жить негде. Мы расстались. Но я поклялась себе, что домой вернусь только тогда, когда у меня все будет! Вернусь, чтобы тебя забрать. Я так скучала по тебе, но бабушка даже не отвечала на мои письма. А приехать я не могла, ты ведь знаешь, какой норов был у нее, она меня прокляла. От моих денег она отказывалась. Но я переписывалась с подругой и знала о вашем житье. Я присылала тебе иногда подарки. Не знаю,годились ли они, но я подумала, что, в конце концов, вы их можете продать, если уж совсем станет туго...

– Бабушка умерла пять лет назад. Почему же вы тогда не приехали?

– Не могла. Как раз в это время я устраивала свою жизнь, замуж собиралась.

– Устроила?

– Ну, в общем, все нормально, вот за тобой приехала. Хочу тебя к себе забрать.

– Куда?

– Я сейчас в Болгарии живу. Там так хорошо! Собирайся, поедешь со мной.

В Тасиной голове царил сумбур. Мама, Болгария, в которой хорошо. А как же Эдик? А институт?

– Как же так, я не могу уехать, у меня скоро защита.

– Ой, да кому нужны эти дипломы? В Болгарии у женщины должен быть муж, дети, дом – полная чаша. А какое образование – никого не волнует!

А Тася думала о своем соседе. Вроде, только у них начало что-то складываться!

– Нет, я не могу уехать, не хочу. Не обижайся, но я никуда не поеду.

Мать огорчилась, даже всплакнула, просила еще подумать, сказала, что виза действительно два месяца, оставила свой адрес, номер телефона и ушла.

Тася вспоминала каждое слово матери. Имеет ли она право судить ее? В чем вина ее мамы? В том, что полюбила? Тася сама была влюблена, и что из этого вышло? Кто виновен, что мужчины часто бросают своих подруг? Вернуться мама тоже не могла, в их доме даже на имя матери был запрет. Тасе с бабушкой жилось не сладко, что же пришлось вытерпеть матери, принесшей ребенка «в подоле»? Тася очень любила бабушку, но маму она прекрасно понимала. Обиды на мать не было, но и родственных чувств Тася к ней не испытывала.

Близился день защиты дипломного проекта. Тася с замиранием сердца ждала это событие. Правда, неизвестно, чего больше ждала девушка: окончания института, или визита с блинами к соседу. Что ее больше волновало?

С Эдиком они иногда встречались во дворе дома, здоровались, перекидывались ничего не значащими фразами, но в гости он к ней больше не просился.

Наконец, наступил этот долгожданный день. Днем, она развесила на доске в аудитории свои чертежи, посвященные важнейшей в Тасиной жизни теме: обработке какой-то хитрой металлокерамической втулки на страшно дорогом и сложном станке. Блестяще ответила на вопросы комиссии, получила отличную оценку, но не пошла отмечать это событие с одноклассниками, а побежала домой, где приступила к осуществлению своего плана по соблазнению соседа. Она напекла кучу блинов, приготовила начинку из мяса и риса, обжарила блинчики до хрустящей корочки, сложила их горкой на красивую тарелку, прикрыв свое произведение новым кухонным полотенчиком, занялась своей внешностью.

Тася разглядывала свое отражение в зеркале: глаза блестят от волнения, нежный румянец выдает смущение, яркие губы с чувственным изгибом выдают желание любить и быть любимой.

На часах уже десять. Пора идти. Сердце бешено колотится. Тася взяла тарелку и открыла дверь. Она вышла из своего подъезда, посмотрела на окна Эдика – свет в его комнате горит, – зашла в соседний, подошла к двери и с волнением нажала на кнопку звонка.

По ту сторону двери слышались шаги. Тася замерла, даже дышать не могла.

Повернулся ключ в замке, дверь распахнулась... В проеме стояла растрепанная молодая женщина, в халатике на голое тело, весь вид которой не вызывал сомнений от каких занятий ее оторвали. Тася онемела. Она смотрела на полуголую даму, не в силах произнести ни слова.

– Дорогая, кто там?!? – Послышался недовольный знакомый голос.

– Тетка какая-то. К тебе, наверное! – Ответила дама.

Вскоре в прихожую вышел Эдик в махровом халате. Увидев Тасю, он произнес:

– А! Да это наша соседка, она иногда нас подкармливает! Спасибо, Тася! – И, взяв из ее рук тарелку с блинами, он закрыл дверь.

Тася стояла не в силах пошевелиться. Только что Эдуард не просто закрыл перед ее носом свою дверь, он закрыл ей вход в счастливое будущее, лишил ее любви, уничтожил мечты и надежды. На негнущихся ногах Тася вернулась к себе. Ей показалось, что переход от его подъезда к ее подъезду занимает целую вечность, тогда, как туда она добежала за секунду, не больше.

В красивом платье она сидела на кухне и ела те самые несчастные блины, которые она забраковала по разным причинам, и не отнесла Эдику. Слезы катились по бледным щекам, еще недавно румяным. Жить не хотелось, хотелось умереть от горя и стыда, и, если бы не блины, которые и в самом деле, получились невероятно вкусными, она, наверное, умерла бы. Но так хотелось есть, что Тася решила вначале подкрепиться, а потом подумать о будущем. А будущее было так безрадостно, оно терялось в тумане, причем туман был противный такой – серый, густой, безнадежный.

– Почему со мной опять такое происходит? – с отчаяньем думала она. – Что со мной не так? Чем я хуже других?

Она не находила ответов. Только одно объяснение вертелось в голове:

– Потому что все люди, как люди, а я – пустодырая.

В слезливую тишину Тасиногоря ворвался резкий звонок – звонил Алик.

Тасю всегда удивляла его способность каким-то непонятным образом чувствовать ее настроение.

– Тася! Привет! Как дела? – Раздался бодрый голос друга.

– Привет, Аличка! Все хорошо, Аличка...

– У-у-у! – Он понял все с полуслова, – сейчас приеду! Чайник ставь!

Алик застал Тасю на кухне, в красивом платье, с распухшим носом и красными глазами. Выкладывая на стол из коробки пирожное, спросил:

– Еда-то есть?

Тася молча пододвинула к нему тарелку с остатками блинчиков.

– Это что с ними? А что, нормальных нет?

– Нормальные я, дура, соседу отнесла... – И она снова залилась слезами.

– А что ревешь? Жалко стало? – Не понимал Алик.

– Жалко, их сейчас его жена жр..., жр... ёт. Ой, какая же я дура!

– Тася, объясни толком! Ты, что, своих соседей блинчиками кормишь?

– Да не соседей, а соседа, а к нему, оказывается, жена вернулась! А тут я с блинами!

Провалились бы они!

– Кто? Сосед с женой?

– Блины! И сосед – тоже!

Алик замолчал. Размеры Тасиной катастрофы начали приобретать более-менее понятные габариты.

– Ты влюбилась в него, что ли?

– Не успела, но так хотелось! Я из-за него отказалась к маме поехать в Болгарию, а там так хорошо!

Она рассказала о том, что приезжала мама, звала ее с собой, а она, дура, отказалась, потому что защита диплома, но на самом деле, она думала, что у них с Эдиком что-то складывается хорошее, а, оказалось, самое хорошее в этой истории, были ее блины.

– Что ты будешь делать дальше? – Спросил Алик.

– Не знаю еще. Наверное, уеду к маме. Пока виза действительна, куплю билет и уеду. Не могу я здесь.

– Мама – это хорошо, все не одна будешь. – С грустью произнес верный друг, – Но что ты там делать будешь? Мама твоя, чем там занимается?

– Не знаю, я не спросила.

– Таська, ну как же так?!? Собираешься ехать в другую страну, куда – не знаешь! Чем там заниматься – не знаешь! К кому – не знаешь!

– Вот умеешь ты, Алик, поддержать в трудную минуту! Спасибо! И так тошно. А еду я к маме, к своей родной маме! – Она снова принялась плакать.

– К маме, к маме... Ты маму-то свою знаешь, что ли? Полчаса с ней поговорила и засобиралась! Мало ли что можно наплести! Ты же всему веришь!

– Зачем это ей? Она мне не врет, она хорошая.

– Где была твоя «хорошая» все эти 23 года?!?

– Она устраивала свою жизнь.

– Устроила?

– Да.

– И вдруг ей понадобилась ты? Тебя это не удивляет?

– Алик, ну, хватит уже! Я понимаю, что ты не хочешь, чтобы я уезжала. Но, пойми, мне здесь плохо, я не знаю, как жить.

– Плохо, плохо! – Передразнил ее друг, – заладила. Сожрал блины сосед, а на любовь не ответил – все! Уезжаю в Болгарию! Таська, ты же всегда умной была, это я за дурака считался!

– Хорошо, что ты предлагаешь?

Алик, зная упрямство подруги, устало произнес:

– Давай, хотя бы, позвоним, поговорим с ней.

Тася понимала, что Алик прав. Она даже не спросила у мамы, чем она занимается, есть ли у нее семья, муж, где она живет? И чем там будет заниматься Тася, если все же придет?

– Хорошо, давай позвоним, все узнаем, вот номер ее телефона. – Она показала Алику листок, на котором мама написала свои координаты.

Пока Тася дозванивалась маме, он сфотографировал этот листочек, так, на всякий случай.

– Мама! Здравствуй, это я, Тася. – Слезы снова показались у девушки на глазах. – Мама, я хочу приехать к тебе...

– Дорогая моя, я знала, что ты передумаешь! Приезжай! Я тебя встречу.

Алик делал перед ее лицом какие-то невообразимые пассы руками и выпучивал глаза, стараясь обратить внимание на себя.

– Работа? Где жить? Семья? Работа? Где жить? Семья? – Повторял он без передышки.

– Мама, – Тася, наконец, вспомнила, что собиралась спросить, – а где ты работаешь? И что я буду делать, когда приеду?

– О! Не волнуйся! У меня с Богданом свой ресторан. Доход небольшой, но на жизнь хватает. Будешь помогать, так сказать, участвовать в семейном бизнесе. – Мама счастливо засмеялась.

– А Богдан – это кто? Твой муж?

– Ну, не совсем, чтобы муж, но почти, да, можно сказать – муж! – Беспечно заявила мать. – Ты, главное, приезжай, все будет отлично! Квартиру свою, я думаю, можешь продать, вещей много не бери. Доченька, я не могу дождаться, когда мы будем вместе!

Закончив разговор, Тася пристально смотрела на Алика, ожидая его решения.

– Я тебя понимаю, тебе хочется к маме, одной плохо, да еще этот сосед с блинами. Но как-то мне странно это. – Наконец, произнес друг. – Хорошо, съезди туда, но квартиру не продавай! Всегда должен быть шанс вернуться.

– Как же быть с квартирой? За нее платить надо. Да и на билет у меня, наверное, не хватит.

– Тася, давай, я поживу у тебя. Коммуналка – моя. А на билет я дам тебе в счет уплаты за жилье, вроде как я у тебя снимаю квартиру. Сам хоть отдохну от постоянных нотаций матери. Достала со своими невестами!

Вид у Алика был такой несчастный! Если бы Тася не была всецело поглощена своими переживаниями, она бы, конечно, заметила в глазах друга невыносимую тоску и боль, которые он старался прятать, не показывать ей, но, которые вопреки его желанию, время от времени выплескивались в грустном взгляде его черных глаз.

Тася стала готовиться к отъезду. Хлопоты и сборы наполнили ее дни суетой, делами. Через неделю Алик провожал подругу в аэропорт.

– Звони, Тася, почаще, прошу тебя. И я буду тебе звонить. – Волновался он.

Алик знал, что Тася его не любит. Она видела в нем только друга, но все равно, он надеялся на чудо. Она любила кого-то другого, но была всегда рядом с ним, только руку протяни, а сейчас она улетает в неизвестность. Может быть, навсегда. От этой мысли все в душе Алика разрывалось на тысячи кусочков, переворачивалось от горя и обиды. Почему он полю-

бил именно эту девчонку? Он помнил, как увидел ее в школе, и с тех пор любовь не только не прошла, а стала еще больше, сильнее, мучая его и благословляя каждый день.

С ее именем он просыпался по утрам, и ее имя твердил, засыпая.

Тася боялась дороги. Она никогда не летала на самолетах. Она вообще дальше своего огорода нигде не была. Масса народу, иностранная речь, шум и толкотня большого города – все пугало и завораживало девушку.

– Тася! Тася! – Услышала она голос матери.

Тася успокоилась, сейчас она уже не одна, с мамой. Как хорошо, что мама рядом! Тася заплакала от счастья, обнимая мать.

– Мамочка, мамочка! – повторила она.

– Ну, все, пойдем. Я познакомлю тебя с Богданом, он в машине ждет.

Нельзя сказать, что мамин муж был необыкновенно рад приезду Таси, но стараясь быть радушным, обнял ее, похлопал по спине, что-то пробормотал на своем языке и стал рассовывать Тасины вещи по машине. В конце концов, все упихалось и они отправились в новую, неизвестную жизнь.

Дорога, по которой вел машину Богдан, вначале была прямой, широкой, постепенно сужалась и, когда они выехали из города, стала петлять между неровностями пейзажа, огибая то один холм, то другой. Машина медленно поднималась в гору, воздух приобретал прохладную свежесть, дышалось легко и приятно.

– Воздух – то, воздух у нас тут какой! Чувствуешь? – радостно болтала Тасина мать.

Наконец, они остановились около двухэтажного дома. Окна первого этажа пестрели яркими вывесками и картинками, давая понять, что здесь можно вкусно поесть, попить, отдохнуть.

– Придорожное кафе, наверное, – подумала Тася. – Мама, я не голодна. Поедем домой.

– А мы уже дома, – засмеялась мать. – Это наш ресторан, а на втором этаже мы живем. Очень удобно, рядом. Так сказать, без отрыва от производства! Пойдем, я тебе покажу твою комнату.

Она провела Тасю в маленькую комнату, с окнами в сад. Вид из окна был потрясающий! Большой участок земли уходил под склон и был весь, как на ладони. Слева и справа располагались другие сады, соседские, а еще дальше, на горизонте, сады уступали место неровностям гор, плохо различимых с такого расстояния.

Мамин сад представлял собой довольно ровное поле, засаженное плодовыми деревьями. Сливы, яблони, груши – десятки деревьев росли на участке, насаженные без всякой системы. Тася переоделась и спустилась вниз. В ресторане, как сказала мама, а Тася посчитала его за придорожную забегаловку, посетителей не было. За столом сидели все свои.

– Тася, иди к нам! Я тебя познакомлю: Богдана ты уже знаешь, а это – Роман, его сын.

Тася с удивлением смотрела на здорового парня, сидящего за столом, рядом с ее мамой. Она даже не думала, что у мамы в семье может быть еще кто-то, кроме нее. Оказывается, этот Роман, приходится ей почти сыном, приемным, но сыном. Чувствительный укол ревности ощутила девушка, рассматривая своего, так сказать, брата.

Роману было около тридцати лет. Он был крепким, высоким, как его отец. Черные волосы с избытком покрывали его лицо, грудь, руки. Копна жестких волос кудрями спадала ему на плечи. Усы и борода добавляли Роману с десятков лет. Черные глаза без всяких эмоций рассматривали Тасю.

Ее усадили рядом с матерью, по другую сторону от Романа. Мужчины немного говорили по-русски, но речь понимали. За ужином расспрашивали гостью о ее житье в России, чем она занимается, что умеет делать. Сообщение Таси, что она окончила институт, получила высшее образование, не произвело на родственников никакого впечатления. Их вопрос – что она умеет делать? – так и остался без ответа.

Перед сном мама зашла к Тасе.

– Не переживай, ты привыкнешь. Пока тебе здесь все чужое, но скоро ты поймешь, что не зря уехала из России.

– Мама, я из России не уехала. Я приехала к тебе в гости, ненадолго.

– Как в гости? А, что, ты свою квартиру не продала?

– Нет.

Тася не поняла, чем мама была недовольна. Подумав, она решила, что мама расстроена, что дочь не может решиться на переезд. Но мать думала совсем о другом.

В саду, под покровом ночи состоялся такой разговор:

– Богдан, дорогой, она не привезла денег! Не хочет продавать квартиру!

– Как же так? Ты говорила, что все наши проблемы будут решены, если твоя дочь приедет к нам!

– Мы так с ней и договаривались, но она передумала...

– Зачем тогда она приехала? Для чего она нам здесь?

– Подожди, потерпи, не могу же я ее отправить домой, все же дочь.

Тася прекрасно выспалась, отдохнула, свежая, довольная, сбежала вниз, где уже трудилась мать, подметая пол.

– Мамочка! Доброе утро! Давай, помогу! Она выхватила у нее веник, убрала мусор, принесла ведро воды, стала мыть пол. Работа так и спорилась в ее руках. Богдан был приятно удивлен, что Тася оказалась такой работающей девушкой.

– Хорошо, пусть остается пока. Помогать будет. – Разрешил хозяин.

На следующий день Тася обошла весь сад.

– Мама, что вы делаете с урожаем? У вас так много деревьев!

– Вино ставим, варенье... Пропадает много.

– Давайте, часть сада очистим от слив. Я посчитала, у вас их восемнадцать! Куда столько? Разобьем грядки, посадим овощи, зелень, ягод немного.

– Так за всем этим огородом ухаживать надо! А мы в ресторане еле управляемся.

– Я же помогу! Только пусть Роман деревья уберет.

Несколько дней, что хозяйский сын корчевал деревья, Тася помогала в ресторане. Она быстро вникла в суть вещей: и обслуживала посетителей, и готовила еду, и убирала в помещении. Поздно вечером, уставшая, добиралась до кровати и моментально засыпала. Несколько раз звонил Алик, интересовался, как у нее дела. Она рассказала ему про ресторан, про огород, сказала, что сейчас у Богдана с мамой временные трудности, она им должна помочь. Сказала, что очень устает, не до развлечений пока.

– Короче, завели бесплатную служанку?

– Алик! Как ты можешь так говорить? Это же самые близкие мне люди!

Работа в огороде нравилась Тасе. Почему-то бабушкин сад она ненавидела, а здесь с удовольствием возится. Появились ровные аккуратные грядки с луком, с салатом, с пряными травами. Меню в ресторане стало разнообразнее. Это сразу отразилось на количестве посетителей. Чистые занавески на окнах, молодая, красивая официантка, вкусная еда – все сказало на прибыли ресторана. Богдан присматривался к Тасе. Она ему очень нравилась. Постепенно в его голове стал рождаться план. Вот, если бы он женился на Тасе..., а ее мать – выгнал, за лень и нерадивость, он бы из долгов выпутался, и молодую жену бы взял в дом.

Мать Таси так же мечтала о своем. Когда она познакомилась с Богданом, она думала, что он женится на ней, и она будет хозяйкой ресторана, наравне с ним. Может быть, даже он ей это обещал поначалу, но, постепенно, Богдан передумал жениться. Сорокалетняя жена, которая больше любит поваляться в кровати, чем бегать с подносами, его не устраивала. Но выгнать ее он не спешил, так как не было на ее место подходящей кандидатуры. Весть о том, что к ним едет

Тася, разозлила Богдана. Только обещание, что она привезет деньги, заставило его терпимо смотреть на этот факт. Денег она не привезла, но сама оказалась настоящим сокровищем.

Мать понимала свое шаткое положение в доме Богдана. Ей стало ясно – он не женится на ней. Тогда она придумала другой план – пусть Роман женится на Тасе, дочь станет полноправной наследницей Богдана, а она, естественно, займет законное положение тещи. Осталось только свести детей вместе. Но Роман вообще спокойно относился к женщинам, несмотря на свои тридцать лет. Семью заводить не спешил. Не то, что его пятидесятилетний папаша.

– Этот старый козел ни одну юбку мимо себя не пропустит! – Сокрушалась Тасина мать.

Роман каждый день ездил за продуктами в город. В свободное время он с удовольствием помогал Тасе в огороде. Приносил воду, копал землю, выполнял всю тяжелую работу. Любуясь на отношения молодых людей, Тасина мать решила, что дело в шляпе. Но, вся проблема была в том, что Тася не испытывала к Роману никаких чувств, кроме братских, а Роман вообще не хотел жениться, ни на ком, считая, что ему еще рано заводить семью.

Такая вот геометрическая фигура отношений выстроилась в доме Богдана. По сравнению с простым любовным треугольником это был какой-то октаэдр.

Так прошла осень, урожай яблок был собран, переработан. Тася научила всех соседок варить повидло, делать сухофрукты, выжимать сок из яблок, закатывать банки с компотом из маленьких кислых ранеток. А ее шарлотки расходились в ресторане на ура!

Прибыль от доходов ощутимо росла, долги уменьшались соответственно. Богдан ждал, когда он выплатит банку кредит, и тогда примется за Тасю. То, что девушка ему не откажет, он не сомневался. Только ее мать осложняла ситуацию. В последнее время она жутко его раздражала. Вот вчера, наблюдая за Романом и Тасей, дружно работающих в саду, она сказала:

– Посмотри, какая пара! Давай, поженим их! Представь, какие у нас будут красивые внуки!

У Богдана потемнело в глазах. Вот, значит, что она задумала!

– Что болтаешь? Раню им еще о семье думать!

– Сам-то Романа родил во сколько? Лет в двадцать?

Богдан не любил вспоминать свою семейную жизнь. Как-то у него все получилось рано: рано женился, рано ребенка завел, рано овдовел. Любви особой не испытал, а вот трудностей хлебнул с лихвой. А сейчас, в зрелые годы так захотелось любви! Чтобы жить, как одно целое, чтобы все было сообща, вместе, чтобы огонь в сердце, а в глазах – нежность. Желание Тасиной матери свести вместе дочь и его сына, разозлило Богдана.

– Надо с Тасей быть поласковее, – решил он.

Наступила зима. В огороде дел почти не было, но Тася без дела не сидела, она решила навести порядок в ресторане. Постепенно, с помощью Романа, отремонтировала потолок, наклеив на него красивые потолочные плиты, переклеила на стенах обои, на стене, где не было окон, наклеила фреску. На картине изображен Париж в районе Монмартра. Живописная улочка, изгибаясь, уходит вверх и вдаль, расширяя помещение ресторана, создавая иллюзию пребывания в этом романтическом месте.

Она старалась не тратить лишнего, зная, что у Богдана долг в банке. Привыкшая экономно обращаться с деньгами, она сама сшила новые скатерти на столы, на стулья сделала такие же подушки. Барную стойку тоже обновили и покрасили. Ресторан стал выглядеть совсем по-другому, в него стали захаживать местные жители после работы, посидеть, пообщаться. Все было хорошо, кроме одного: Богдан стал проявлять к ней непозволительное внимание. Девушка было в растерянности. Поделиться этим ей было не с кем. Матери она сказать не могла, Роману – тоже. Но, когда наступила весна, хозяин перестал прятать от семьи свои чувства, доводя Тасю до слез. Но эти слезы были ничто по сравнению с теми, что она пролила после объяснений с матерью. Вскоре, Тася поняла, что здесь ей не место. Хоть выяснилось, что Богдан не муж матери, она даже мысли не допускала, что между ними может что-то

быть. В Романе она тоже не видела объекта своих грез, как и он в ней. Что делать? Решение одно – уезжать.

– Мама, купи мне, пожалуйста, билет, я домой уеду. – После очередного скандала попросила она.

– Сама покупай, у меня денег нет! – Отрезала мать.

Тася считала, что работая у Богдана восемь месяцев, она заработала на билет. Но хозяин считал по-другому. Живи здесь, никаких билетов. Скандалы становились все безобразнее, однажды Богдан сказал ее матери, чтобы она убиралась из его дома. А Тася пусть остается в роли хозяйки. Мать винила во всем дочь, Роман сказал, что она змея, которую пригрели на груди, Тася сказала, что, если уйдет мать, она уйдет вместе с ней.

Этой ночью Тасе не спалось. Она долго плакала и ворочалась в постели. Рано утром позвонил Алик:

– Привет, подруга! Как дела?

– Аличка, милый! Как я рада тебя слышать! Аличка, Аличка! Мне так здесь плохо! Аличка! – И она расплакалась в трубку.

– Не плачь, Тася, я все понял. Ставь чайник! Еда-то нормальная есть?

Тася не понимала, зачем Алик так жестоко шутит с ней? Какой чайник?

– Аличка, зачем ты так?

Но трубка ответила ей короткими гудками.

– Разъединилось, – решила Тася и спустилась в ресторан попить кофе.

Мать встретила ее ворчливо:

– Что-то долго ты спишь! Вон уже посетителей полно, а ты все валяешься в кровати!

Тася, не обращая внимания на ее слова, подошла к незнакомому мужчине, чтобы спросить его, что ему принести. Но, взглянув на него, она обмерла:

– Алик!!! Алик? – она кинулась ему на шею, плача. – Алик, ты приехал? Ты за мной приехал?

Он обнимал ее и целовал в заплаканные глаза, в такие желанные губы, гладил светлые волосы, шептал ласковые слова.

При виде этой сцены все участники драмы замерли, молча наблюдая за странным знакомцем.

– Собирай свои вещи, мы уезжаем, – сказал мужчина.

– Как это уезжаете? Куда? Я ее не отпускаю! – Закричал Богдан. – Денег не дам на билет!

– Иди, иди, не бойся, я тебя здесь подожду. – Подбодрил ее Алик. И, обернувшись к расшвиrepевшему хозяину, спокойно добавил: – Мне ваши деньги не нужны. Я приехал за своей любимой женщиной, без которой жить не могу, дышать не могу, неужели вы думаете, что ваши деньги могут что-то изменить?

Вскоре вернулась Тася.

– Ты хочешь с кем-нибудь проститься? – спросил Алик.

– Да, – подумав, сказала Тася, – с садом. Там сейчас все цветет: и яблони, и груши, и сливы. Такая красота!

Когда они летели домой, Тася, положив голову Алику на плечо, рассказывала ему о своей жизни в Болгарии. О том, как она полюбила сад, землю.

– Странно, ты всегда терпеть не могла бабушкин огород!

– Все меняется, Алик, все меняется.

– Ты о чем, Тася?

– Я всю жизнь искала любовь и не находила, а любовь-то совсем рядом была, только руки протяни.

– Тася, дорогая моя, я тебя правильно понял, ты сейчас сказала, что любишь меня? Да?

– Да, Алик, я тебя очень люблю. И всегда любила, только не понимала этого. Какая же я пустодыр...

– Не смей так называть себя! А, впрочем, как хочешь, мне все равно. Я тебя люблю люблю!

Наконец, они добрались до дома. Алик неохотно стал прощаться.

– Не уходи. Останься! – попросила Тася. А он только и ждал этих слов.

Утром Алик предложил Тасе пожениться, она с радостью согласилась. Они пили на кухне кофе, слушали орущие детские голоса под окном, когда раздался звонок в дверь.

– Сосед блины принес? – Засмеялись влюбленные.

Но это был не сосед, это пришла мама Алика.

– Здравствуйте, – поздоровалась Тася, ожидая скандала на тему незапятнанной татарской крови.

– Тася, прости меня. И ты, сынок, тоже прости. Возвращайтесь домой, вместе возвращайтесь. Я не думала, что у вас такая любовь. Не понимала. Плохо мне одной.

Молодые люди переглянулись:

– Ты же хотела в земле поковыряться? – спросил Алик.

– Я подумаю. А сейчас пойдемте пить кофе!

Тася смотрела на своего спасителя, на его маму и думала, что ей не удалось сблизиться со своей матерью, но судьба дала ей шанс породниться с матерью Алика. Как сложатся их отношения? Тася знала, что она все сделает, чтобы в ее семье были мир и любовь, как же иначе? Ведь они – самые близкие люди!

Лишь бы ночь была лунная

Детский дом, в котором Уля жила с восьми лет, располагался в пятнадцати километрах от ее родного города.

Десять лет назад у Ули была семья: и папа, и мама. Они жили дружно и счастливо. По крайней мере, так казалось Уле.

Почти все взрослые жители города работали на одном единственном предприятии, а когда оно закрылось, оказались без работы и без денег. Неженатая молодежь рванула в ближайший миллионник, в столицу региона, на заработки. Женатым, имеющим детей, сложнее было решиться на переезд.

Отец Ули, Григорий Иванович Проханов, имея маленькую дочь и неработающую жену, вместе со своим другом Алексеем Антоновым, в который раз обдумывали ситуацию, в которой оказались их семьи.

– Гриша, я в отчаянье. Не знаю, что делать. Сыну четыре года, дочка только что родилась, у Насти рак обнаружили. Операция нужна, лекарства дорогие. Где денег взять?!?

Григорий Проханов, тридцатилетний богатырь, бывший боксер, как говорится, косая сажень в плечах, понуро сидел за столом. Стыд и унижение испытывал он, не умея заработать денег для своей семьи. Трагическая история друга подстегнула его на отчаянный шаг:

– Леха, давай банк ограбим!

Тщедушный Леха даже дышать перестал. Наконец, набрав в легкие воздуха, он завопил:

– Ты что? Дурак?!? Совсем башку тебе стрясли в твоём боксе? Даже думать о таком не смей!

Он ушел домой весь в праведном гневе.

Дома его ждала больная жена, которой становилось все хуже, сварливая теща, разрывающаяся между детьми и больной дочерью, и полное отсутствие денег.

Алексей закрылся в своей комнате. Отчаянье накрыло его тяжелой волной безысходности.

Утром он снова пришел к другу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.